

КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ДУХОВНАЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ТАЙВАНЯ

В.Ц. ГОЛОВАЧЁВ

Кандидат исторических наук

Первый глобальный кризис XXI в. развеял последние иллюзии о скором приходе эры всемирного материально-процветания. Еще недавно высмеивавшиеся идеи духовных «маргиналов» овладевают миром, а вчерашние «столпы» и «идолы» техногенного Олимпа оказались на грани духовного банкротства, нередко пребывая в состоянии шока, растерянности или апатии.

В вершителей судеб мира летят старые ботинки. Крупнейшие транснациональные компании закрывают по всему миру заводы и открыто признают в сбое своих моделей и прогнозов развития. Казавшиеся незыблемыми жизненные ценности девальвируются. Весь мир ищет пути спасения, для чего вынужден признать неадекватность привычного самовосприятия и необходимость переоценки своей глобальной идентичности, прежде нередко низводимой к тотальной вестернизации.

Проблема смены идентичности стоит и перед Тайванем, который, в отличие от большинства стран, живет в этом переходном состоянии более века. Глубокий кризис глобальной идентичности дает острову шанс сделать рывок и, наконец, реально ускорить затянувшееся формирование новой «тайваньской идентичности».

Основными факторами этого процесса являются тенденции декитаизации (выхода за пределы традиционной китайской идентичности), тайванизации (возрождение «аборигенной» австронезийской*, либо «островной» идентичности) и глобализации (унификация или денонсация всех форм исконной иден-

тичности) общественной идеологии на Тайване. Но в существующем сегодня виде все эти факторы работают друг против друга и не способны дать конечный результат.

Процессу современной декитаизации предшествовала 230-летняя китаизация XVII-XIX вв., японизация 1895-1945 гг. и китаизация Тайваня после 1945 г.

Китаизация времен Чан Кай-ши (1945-1975) включала принудительную деапонизацию и «рекитаизацию» тайваньцев. Независимо от этнокультурных корней и самовосприятия граждан, власти насаждали единую китайскую идентичность, исходя из того, что Тайвань - безусловная часть Китая, а тайваньцы - безусловные китайцы. Лишь к началу 1980-х гг. президент Цзян Цзин-го подправил установку на моноидентичность, признав, что он сам и все жители острова являются и китайцами, и тайваньцами, так как их судьба неразрывно связана с островом. Но «тайваньская идентичность» выступала в роли подчиненной субэтнической (локальной) формы китайской идентичности, а официальная установка на господство китайской идентичности сохранялась до середины 1990-х гг.

Прошедшие в 1996 г. на Тайване выборы президента Китайской республики (т.е. Тайваня) Ли Дэнь-хуэя оценивались официальной пропагандой как «первые за все 5 тысяч лет истории Китая» прямые всенародные демократические выборы главы государства. А сам президент и тогдашний лидер Гоминьдана Ли Дэнь-хуэй провозгласил в середине 1990-х гг. предельно символический лозунг: «Превратим Тайвань в новую Среднюю равнину!», намекая, что именно Тайвань может стать «истинным» новым воплощением традицион-

ного Китая. Но именно Ли дал старт декитаизации, заявив в 1994 г. в интервью одному из японских журналов: «Вплоть до сего дня все, кто правил Тайванем, принадлежали к иноземным режимам»¹. Вторая половина 1990-х гг. ознаменовалась нарастанием декитаизации, достигшей апогея после 2000 г., с приходом к власти президента Чэнь Шуй-бяня.

Датой рождения «тайваньской идентичности» стал 1895 г., когда Китай после поражения в японо-китайской войне подписал Симоносекский договор, по которому «навечно» уступал Тайвань под власть Японии.

Но брошенные китайским императором жители острова попытались дать отпор Японии и провозгласили «республику Тайвань», первую республику в Азии. 50 лет японского правления (1895-1945) заметно отдалили тайваньцев от китайского материка. Вместе с тем, насильственная японизация и война Японии с Китаем (1937-1945) вызвали обратную реакцию, провоцируя сохранение и рост китайской идентичности жителей острова.

Однако новая национальная политика Гоминьдана после 1945 г. быстро развеяла иллюзии этнического родства, а массовые репрессии против тайваньцев в 1947 г. (инцидент 28 февраля) стали вторым знаковым «днем рождения» их идентичности.

Нарастание с конца 1970-х процесса тайванизации привело к созданию в 1986 г. первой оппозиционной политической партии - Демократической прогрессивной партии (ДПП). В 2000 г. пронезависимая ДПП стала правящей партией и обрела уникальные возможности для формирования новой «тайваньской идентичности».

8 лет, с 2000 г. по 2008 г., власти Тайваня, в лице президента Чэнь Шуй-бяня и ДПП, проводили политику активной декитаизации и тайванизации общественной жизни острова. Эти усилия, как две стороны медали, являлись

* К австронезийской (аустронезийской) языковой семье принадлежат малайско-полинезийские языки и языки коренных народов Тайваня. Существует гипотеза об этнокультурной общности носителей этих языков и даже японцев, хотя японский язык чаще всего относят к алтайской языковой семье (прим. ред.).

собой попытки реорганизации существующих на Тайване этносоциальных групп, путем корректировки их коллективного сознания. А именно, путем вывода последнего за рамки традиционного китаецентризма, упора на уникальность Тайваня и возрождение местных культур, расширения австронезийского компонента этих культур и, в итоге, создания новой надлокальной общности через подтягивание некитайской этнической идентичности к уровню национальной идентичности (новой «тайваньской идентичности»).

Но эти попытки не дали желаемых плодов, так как ДПП не смогла предложить народу реальной консолидирующей идеологии (национальной идеи). Акцент на австронезийских корнях не мог стать основой единения общества хотя бы потому, что аборигены составляют всего 2% населения острова. А форсированная декитаизация лишь углубила раскол, вызвав тревогу и протест «рожденных вовне» китайцев (иммигрантов и их потомков после 1949 г.), устойчиво связанных с Китаем и его культурой. Их недовольство, вкупе с крахом ожиданий «коренных» тайваньцев, все более сближающихся с материковым Китаем², стало одной из главных причин провала ДПП в ходе парламентских и президентских выборов в 2008 г.

Итогом крайностей декитаизации и тайванизации (и это тоже симптом негативной ментальной зависимости ДПП от Китая) стало усиление внутреннего раскола, мировой изоляции и маргинализации острова.

Возврат партии Гоминьдан к власти в 2008 г. привел к ожидаемому подъему новой, все более заметной волны «рекитаизации» Тайваня. В первый же год своего правления новое правительство аннулировало целый ряд символических актов ДПП, вновь открыв для публики мавзолей президентов Чан Кай-ши и Цзян Цзин-го, а также вернув караул и прежнее название мемориалу Чан Кай-ши в г. Тайбэй.

Президент Ма Ин-цзю и его администрация больше не злоупотребляют словом «Тайвань» на международной арене и возвратили слово «Китай» в названия крупных государственных компаний. Так, государственному почтовому управлению «Почта Тайваня» вернули прежнее название «Почта Китая», а на почтовые

марки вернулась, вместо слова «Тайвань», удаленная было ДПП надпись «Китайская республика».

Правда, в отличие от времен генералиссимуса Чан Кай-ши, нынешняя «рекитаизация» не является принудительной и сегодня скорее лишь компенсирует дисбаланс от перегибов тайванизации последних 8 лет. В своем умеренном виде, при росте тревог многих тайваньцев по поводу очередного сближения с КНР, она пока также не может играть роль новой (суть, старой) объединяющей национальной идеи. В этой ситуации Тайваню как будто остается лишь третий реальный путь: усвоение наднациональной, глобалистской перспективы миропонимания. Но этот путь нежизнеспособен: он чреват потерей своих национальных корней.

В итоге, уже больше века Тайвань пребывает в состоянии неопределенного настоящего, «переходной» или «расколотой» идентичности, а вопрос о сути новой «тайваньской идентичности» остается открытым и до сих пор увязает в клубке старых политических и этнокультурных противоречий.

Тайвань уже не может жить чужой идентичностью, но еще не может иметь собственную, по крайней мере, в обозримом будущем. Это пограничное состояние породило у тайваньцев особую «травму идентичности»³. Ощущение неполноценности от непринадлежности к монокультуре, боязнь новой аннексии, ассимиляции, повторения унижений прошлого в настоящем и будущем, обостренное неприятие дискриминации, тоталитаризма и духа колониализма - все это родило у тайваньцев особую «колониальную идиосинкразию», комплекс ущемленной маргинальности и восприятия себя, по меткому выражению местного писателя У Чжолю, «сиротой Азии». Очевидно, формирование новой идентичности немыслимо без снятия «комплекса сироты», лишнего родовых корней, обижаемого чужими «взрослыми дядями» и фатально зависимого от них. Тайваню нужен выход из этой духовной зависимости от внешних сил или «духовная деколонизация», которая позволит ему сменить амплуа «несчастливого маргинала» (сироты и эпигона) на «счастливого маргинала» (любимого отпрыска), т. е. свободного и полноценного носителя разных культур.

Отношения между Тайбэем и Пекином находятся сегодня в крайне деликатном положении. Возобновление мирного диалога дает реальный шанс прекратить 60-летнюю вражду, и потеря этого шанса недопустима для сторонников будущего объединения. Но «расколотая идентичность» тайваньцев мешает обеим сторонам надежно просчитать средние и долгосрочные последствия конкретных шагов по сближению.

Очевидно, выход из этого тупика невозможен в рамках традиционных форм социальной идентичности. Открыть его может лишь переход на более высокий, качественно новый уровень, поощряющий синтез и упрочение культурных корней, к тому же свободный как от былых препон политико-идеологического или расово-этнического порядка.

Уникальность и преимущество Тайваня состоят как раз в далеко зашедшей переходности, позволяющей ему исполнить роль нового духовного ядра на стыке разных политик, культур и цивилизаций.

В политическом плане Тайвань является единственной вполне состоявшейся демократией Восточной Азии, свободной от имперских амбиций, авторитаризма, тоталитаризма и однопартийного правления. В культурном плане он выступает ярким представителем австронезийского мира и, одновременно, носителем лучших китайских традиций, что позволяет острову стать посредником в диалоге «Большого Китая» и других региональных культур. К примеру, в осложненном историей диалоге Китая и Кореи с Японией.

А передовые образование, наука, техника и глубокая вестернизация помогают Тайваню внести свой уникальный вклад в переосмысление и синтез как новой «тайваньской идентичности», так и обновленной глобальной идентичности.

¹ Полный текст беседы Ли с известным журналистом Рётаро Сиба был напечатан в журнале Asahi Weekly, Май 6-13, 1994.

² Около 1 млн тайваньцев живут и работают в КНР. 290 тыс. тайваньцев состоят в официальном браке с гражданами КНР, причем ежегодно власти Тайваня регистрируют около 30 тыс. таких браков, дети от которых имеют смешанную идентичность.

³ *Малаяш В.В.* Уроки Тайваньской демократии // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2007, № 7 (69) - <http://www.strana-oz.ru/?numid=40&article=1585>